

ПРИМЕЧАНИЯ

*Данная публикация основана на докладе сделанном на II Кубанской археологической конференции (Краснодар 1993).

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ.

1. Анфимов Н.В. Импорт бронзовой италийской посуды в Прикубанье //Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979.
2. Голенцов А.С. Античный полиевоый сосуд из Северо-западного Крыма //КСИА 1971 вып. 128.
3. Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (I в. до н.э. - V в. н.э.) //САИ Д1-27 N 772 М., 1970.
4. Марченко И.Д. Об античных глазурованных сосудах из музеев СССР //КСИА 1971 вып. 128.

Берлизов Н.Е., Еременко В.Е.

ЛАТЕНСКИЕ ИМПОРТЫ В САРМАТСКИХ ПАМЯТНИКАХ ПРИ ЧЕРНОМОРЬЕ: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Проблема кельто-сарматских связей не ставилась в археологической литературе до сер. 1980х гг., хотя кельтские импорты из сарматских погребений использовались как надежный датирующий материал. В частности, сарматологи волгоградской школы использовали находки среднелатенских фибул для омоложения позднепрохоровских памятников /20, С. 170,173; 18, С. 156). С выходом работ З. Возняка, В. Зирры и Х.Поленда, посвященных хронологии латенских древностей к востоку от Карпат /24, 27, 30/ появилась возможность «замкнуть кольцо» их исследования вокруг Черного моря. Кроме того были пересмотрены хронологические рамки среднего и позднего латена, произошел своеобразный возврат /но уже на новом научно-методическом уровне/ от схемы Я. Филипа /23/, которой придерживалось большинство советских исследователей, к датировкам П. Рейнеке /25, 26/. В 1985 г на заседании семинара «Хронограф» В.Е. Еременко впервые использовал передатированные фибулы среднелатенской схемы для реконструкции кельто-сарматских контактов во II-I вв. до н.э. Его гипотеза была конкретизирована в защищенных через год дипломных работах авторов данной статьи /2, 8/ и в первом ее варианте, тезисы которого были опубликованы 10 лет назад /9 /. В дальнейшем она в целом была поддержана М.Б. Шуклиным /26, Р.239/ и И.И. Марченко /10; 14, С. 126/. В настоящее время, после публикации новых находок кельтских украшений, оружия, металлической посуды /14, 17, 16 и др./ из сарматских памятников, мы считаем необходимым опубликовать свою работу в полном объеме с учетом новых находок и концепций.

Итак, в настоящее время известно около ста пунктов на территории Сарматии /исключены находки в позднескифских и раннеаланских памятниках/ с кельтскими изделиями эпохи среднего и позднего латена.

С учетом современных датировок они могут быть отнесены к Латену С2 -

раннему римскому времени /Ва по Р. Воллантевичу -28/ и разделены на три хронологических подгруппы.

Первая подгруппа относится преимущественно ко второй половине средне-го латена /ступень С2 или 200/180 - 120 гг. до н.э./ . К этому времени можно отнести копьевидные фибулы с восьмерковидными петлями на спинке; фибулы, у которых обмотка свободного конца ножки вокруг спинки заменена креплением из хомутиков, фибулы со свободным концом ножки; фибулы с креплением к спинке раскованного в «лапку» свободного конца ножки. При этом фибулы первых двух вариантов находят датированные аналогии в средней и юго-восточной Европе, относящиеся к Латену С1-С2 /12, Рис.3, 5/. Нижнюю дату остальных подкрепляет находка их в катакомбах №39 и 90 Беляусского могильника; в первом случае костяк с фибулой со свободным концом ножки сопровождался чернолаковой керамикой II в. до н.э. и перекрывался еще двумя костяками II в. до н.э. /15, С.212/, а во втором скелет с фибулой с раскованным в «лапку» свободным концом ножки перекрывался семью /!/ костяками с инвентарем II в. до н.э. /Там же/. Фибулы этих вариантов открыты на Кубани /Хоперская к. 11 п.8; х. Пролетарский к. 3/84 п.3; Раздольная к.14 п.1; ПКОС-79 к.41 п.5 - 11,14,21/, Дону /Арбузовский к.7 п.8/, Таврии /Привольное к.1 П.1-19/, в Молдавии /Безены - 6/ и Заволжье /Быково-77 к.2 п.3, Новоникольское к.3 п.7 20/. К этой же подгруппе можно отнести два комплекса с бронзовыми ведерками типа «Баргфельд», производившимися в галльских мастерских Северной Италии со II в. до н.э. по 200 г. н.э. /16, С.167-168/. Это находки с Кубани и Дона /Приазовская к.8/9 п.5; Арбузовский к.7 п.8/. Кельтскими считаются и литые бронзовые браслеты, украшенные рядами строенных шишечек, обнаруженные в двух погребениях II в. до н.э. на Кубани /Брюховецкая-78 к.1 п.5; Новотитаровская-70 к.10 Р.П.- 14, 13/. Восточно-кельтским, вероятно, является железный шлем из комплекса II в. до н.э. в к.1 п.3 у хут. Бойко-Понура /17/.

Вторая подгруппа включает предметы, датироваемые в пределах кон. II - первой пол. I в. до н.э. /Латен Д1 - начало Латена Д2/. Эта подгруппа самая многочисленная и представлена памятниками, протянувшимися от Дуная до Заволжских степей и от Воронежа до предгорий Кавказа. К этому времени относится массивный вымыск в сарматские степи среднелатенских фибул «неапольского» варианта, «копьевидных», «беляусских», зарубинцевских. Встречаются и фибулы, характерные для предшествующего этапа. Всего мы собрали сведения о 38 целых и фрагментированных экземплярах. На Нижнем Дону и Кубани /а в последнее время - в Центральном Предкавказье/ концентрируются находки литых бронзовых шлемов «Монтефортино» и местных подражаний им. Собственно кельтские шлемы относятся к достаточно раннему варианту А/В IV-III вв. до н.э., но происходят, как правило, из комплексов первой пол. I в. до н.э. /17/. По-прежнему /правда только на Кавказе/ встречаются литые бронзовые браслеты с рядами строенных шишечек. Расширяется ассортимент кельтской бронзовой посуды. Он включает помимо ведерок типа «Баргфельд» сковородки типа «Айлсфорд», кружечки типа «Идриа», ведро типа 52 по Х. Эггерсу /22/. Большинство материалов этой и предшествующей групп /за исключением явно - зарубинцевских фибул из к.1 п.1 р. Лычково III, к.11 гр. Аккермень I/ находят аналогии в Подунавье, Северной Италии и Малой Азии.

Третья подгруппа включает погребения второй половины /м.б. последней трети/ I в. до н.э. - начала I в. н.э. /м.б. первой трети/. Характер импорта в этот период изменяется: преобладают бронзовые сосуды. Это поздние находки сковородок «Айлесфорд», кружки «Идрия», кувшинчика типа «Галларате», бронзовой амфоры, крышки котла /?/. Находки фибул ограничиваются тремя экземплярами, причем в двух случаях /Армавир к.4, Михайловская к.9 п.25/ в конструкции застежек сочетаются позднелатенские и средне- и даже раннелатенские черты, что затрудняет поиск аналогий. Шлемы, в изобилии встречавшиеся в донских и кубанских комплексах второй подгруппы, представлены теперь двумя экземплярами из Закубанья и Завольжья /Курганинск к.1 Святилище, Мариенталь к. Д22/. Кельтской по происхождению должна быть и кольчуга, обрывки которой представлены в материалах Курганинского святилища середины - второй трети I в. до н.э.. Ареал распространения браслетов со стержневыми шпильками смещается из Прикубанья на запад - в степи Таврии /Вишневое к.18 п.3, П Аккермень Вост. гр. к.8; Мамай Оба IV п.1/ /7,5.10а/.

Сведения античных источников позволили связать появление импортов первых двух подгрупп с результатами объединительной политики понтийских царей.

В войне с Вифинией, Каппадокией и Пергамом Фарнак I Понтийский обращается к союзу с галатами - давними врагами Пергама. Результатом войны был захват Фарнаком I Синопы и превращение последней в столицу Понта в 179 г. до н.э.. По договору с Херсонесом, заключенному при посредничестве Рима, за Фарнаком закреплялись Тий, Синопа и Керасунта. Одним из гарантов договора выступил царь сарматов Гатал. Распространение импортов первой подгруппы практически совпадает со сферой союзников Фарнака и по происхождению может быть связано с малоазийскими галатами. К этому же времени относится сарматская «реконкиста» в степях Задонья, Предкавказья и Украины /4/, где по свидетельству Страбона расселились аорсы, сираки и роксоланы /Strabo, Geogr., XI, V, 8/. Наличие в зоне расселения первых двух объединений большинства импортов Латена С2, позволяет предположить, что сираки и аорсы поддержали Фарнака I в войне 183 г. до н.э. и Гатал возглавлял одно из этих племен /либо выступил в качестве командира сводного «экспедиционного корпуса»/. Импорты этой подгруппы встречены также у скифов Крыма и варваров Центрального Предкавказья, которые также могли участвовать в войне 183-179 гг. до н.э.. Отсутствие сведений о них в тексте договора позволяет предполагать, что скифы либо входили в состав войск Гатала, либо воевали на стороне противников Понта. Последнее вполне вероятно, учитывая изначальную враждебность скифов Митридату Евпатору примерно через 70 лет.

После смерти Фарнака I римляне разрушили созданную им систему союзов, но не устранили объективных предпосылок для ее реанимации. Пришедший к власти в 116 г. до н.э. Митридат Евпатор в совершенно иной политической обстановке, при огромном усилении позиций Рима на Востоке, предпринял блестящую попытку превратить Понт Эвксинский во внутреннее море Понтийской державы. Пересяд передает ему власть на Боспоре, в зависимости от Митридата попадает Херсонес, подавление путча Савмака, по-видимому, окончательно сломало сопротивление скифов новому властителю. В 101 г. до н.э. были подчинены Галатия и Пафлагония, и галаты вновь оказались вовлечены в орбиту понтийской политики.

В борьбе с Римом Митридат изначально опирался на союз с варварами Причерноморья, сохраняя альянс с галатами и сарматами, к которому в дальнейшем присоединились скордиски и бастарны. Был заключен союз с Тиграном II Армянским и мятежным римским полководцем Квинтом Серторием. Инструктора последнего реорганизовали армию Митридата по римскому образцу, именно в этот момент по мнению М.Б. Щукина к сарматам могли попасть устаревшие кельтские племя.

В 63 г. до н.э. война окончилась полным поражением и самоубийством Митридата. Из всех союзников до конца с ним оставались только наемники - галаты. В том же году римляне реорганизуют Галатию. Понт Эвксинский становится внутренним морем Рима. И вновь фиксируется совпадение распространения латенских импортов II хронологической группы с перечнем союзников Митридата VI. Только совместные походы сармат, галатов, скордисков, бастарнов, западнопонтийских городов, Ольвии и Херсонеса могли служить причиной синхронного появления однотипных кельтских изделий. Из Галатии могли попасть к сарматам и скифам фибулы «неапольского» варианта, от скордисков - копьевидные фибулы, от бастарнов - зарубинские. Шлемы «Монтефоргино» могли быть получены из арсеналов Митридата VI, как считает М.Б. Щукин, либо, что менее вероятно, результатом грабежей в Галатии, как считают Б.А. Раев, А.В. Симоненко и М.Ю. Трейстер /17, С.124/. Возможно, именно от панатов сарматы получают первые кольчатые панцири, известные по находкам в Курганинке и Мелитоволе /обе находки относятся к I в. до н.э., когда кольчуги использовались лишь кельтами, римляне примут их на вооружение в I в. н.э., а парфяне во II-III вв./.

В пользу таких выводов говорят наблюдения И.И.Марченко и И.П. Засекой за распространением в Сарматии стеклянных малоазиатских канфаров, первые две волны которых хронологически совпадают с первыми выплесками латенских импортов к степнякам /10, 14 С.44-47, 126-128/, а также анализ позднелатенских бронзовых сосудов, проведенный Б.А. Раевым /16 /. При этом Б.А. Раев считает, что эти сосуды попали к сарматам - союзникам Митридата VI в результате грабежей в Азиатских провинциях, включая Галатию /Там же, С.174-175/. Наконец, В.Н. Каминский обратил внимание на полное сходство золотых фибул-брошей из кубанских курганов II-I вв. до н.э. - нач. I в. н.э. и брошей, изображенных на статуях из Пергама /например, полный аналог был найден для фибулы из п.14 к.2 из ст. Михайловской/. Это позволяет считать броши из сарматских курганов Кубани не Боспорской продукцией /так их атрибутировал А.К. Амброз - 1, С.30/, а импортом из Малой Азии и связать находки II - первой пол. I вв. до н.э. с упомянутыми выше событиями.

К интерпретации импортов третьей хронологической подгруппы в первом варианте данной работы мы не обращались, т.к. большинство из них было открыто либо опубликовано уже после его публикации либо непосредственно перед ней. В настоящее время характер импортов и их датировка /позднее предримское - раннее римское время/ не позволяет связать все их с единым узелком событий.

Последний непосредственный контакт сарматов и малоазиатских кельтов мог состояться в 47 г. до н.э., когда наследник Митридата Евпатора Фарнак II попытался восстановить державу отца в прежних границах. Страбон отметил по-

мощь мятежному царю со стороны кубанских сираков и донских аорсов, руководимых Абеаком и Спадином и выставивших около 220 000 воинов /Strabo, Gejrg., Op. cit/. Следствием этих событий, завершившихся знаменитой депешей Цезаря «Пришел, увидел, победил!», можно считать появление последних средне-латенских фибул в п.10 к.40 у х. Арпачин и п.14 к.1 у Верхнего Погромного, браслета с шишечками и сквородки «Айлесфорд» из п.15 кургана «Овальный» на Понуро-Калининской системе в Приазовье, ситулы тиша 52 по X. Эггерсу из п.19 кургана у ОПХ «Рассвет» под Краснодаром, шлема «Монтефортино» из к.Д22 у Мариентала. Возможно, к числу последних малоазийских трофеев сираков относятся стеклянные канфары из Новокорсунской и Новокубанска /впрочем, скорее они относятся уже к началу нашей эры: по сведениям Б.А. Раева стекло, из которого изготовлены канфары содержит примесь марганца, появившуюся только в I в. н.э./.

Фибулы из Молдавии /Никольскос, Холмское п.4, Турлаки к.7/ скорее попали к сарматам в результате первых контактов с дунайскими племенами, например во время рейда язигов 16 г. до н.э. /Di. Cass. Lx, 30,3/. Отражением этих же событий, вероятно, является находка бронзового браслета с шишечками в кургане у с. Вишневое Одесской обл..

Непосредственные контакты кельтов /по крайней мере малоазийских/ с сарматами в источниках императорского периода не фиксируются. Вместе с тем, в сарматских погребениях эпохи Августа и начала правления Тиберия встречаются малоазийские стеклянные канфары, золотые броши, позднелатенские сосуды /х. Виноградный, Калиновка к.55 п.8 Соколова Могила/ либо части их /Песчаный к.1 п.10, х. Новый к.20 п.2/, фибулы /Соколова Могила, Армавир к.4, Михайловская к.9 п.25/, браслеты с шишечками /II Аккермень Вост. гр. к.8, Мамай Оба гр. IV п.1/. В ряде случаев эти находки сделаны вкупе с импортами иного - восточного производства. К ним мы относим украшения в модифицированном ордовском /т.н. «бирюзово-золотом»/ зверином стиле, зеркала китайского и бактрийского типов, находки шелка, кусочков согдийского ошля-сырца, длинных мечей с напускным бронзовым перекрестием. Перекрестная датировка позднелатенских и восточных импортов позволяет установить, что они попадают к сарматам в течение последней трети I в. до н.э. - первой четверти I в. н.э., что совпадает с начальным этапом функционирования северного участка Великого Шелкового пути /3/.

В заключение отметим, что уточнение хронологии латенских импортов заставляет археологов отказаться от датировок Я. Филипа и А.К. Амброза как явно устаревших. Попытки омоложения с их помощью позднепрохоровских комплексов вряд ли перспективна: самые поздние фибулы среднелатенской схемы относятся ко времени не позднее сер. I в. до н.э.. Возможно, в связи с этим придется опустить до этой даты рамки бытования лучковых подвязных фибул варианта I-1 по А.К. Амброзу: в противном случае между их появлением и выходом из употребления среднелатенских фибул окажется ничем не заполненная хронологическая лакуна в 50 лет.

ПРИМЕЧАНИЯ

Авторы выражают глубокую благодарность Н.Ф. Шевченко за любезно представленные неопубликованные материалы.

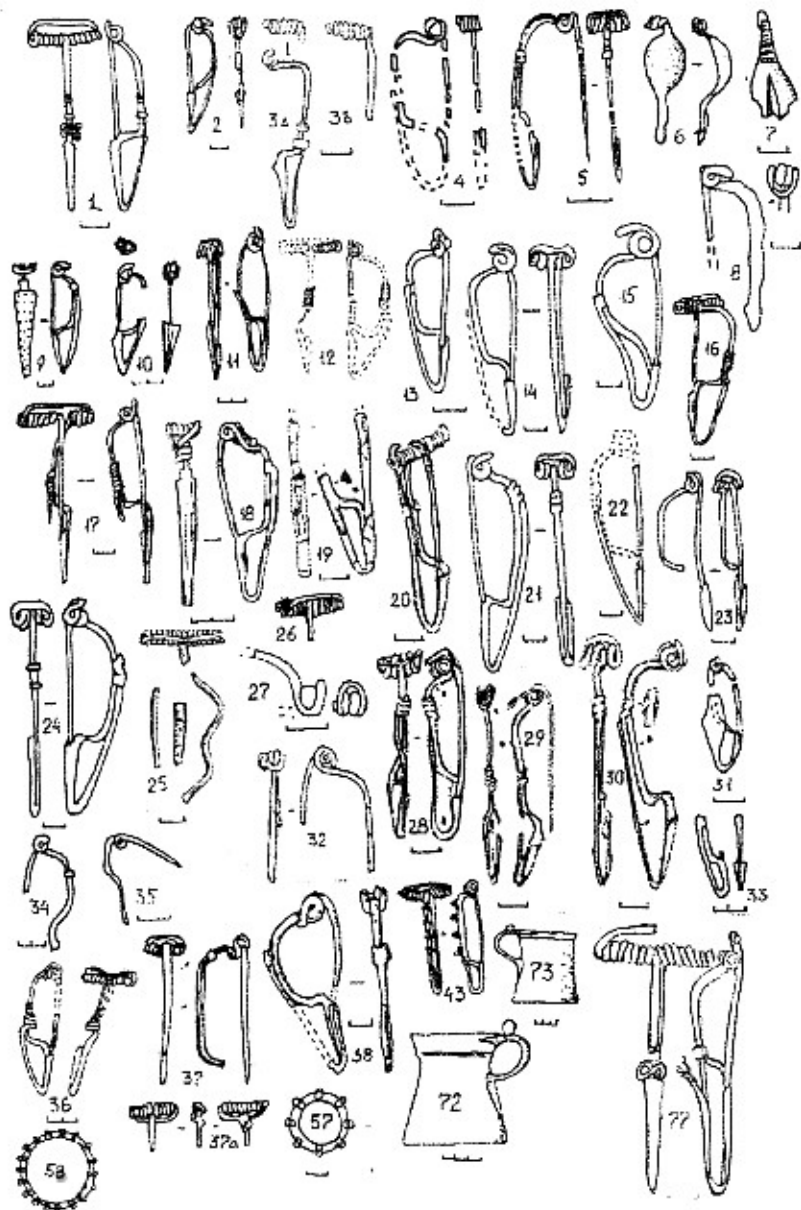

Табл. 1 к статье Берлизов Н.Е., Еременко В.Е. «ЛАТЕНСКИЕ ИМПОРТЫ В САРМАТСКИХ ПАМЯТНИКАХ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ»

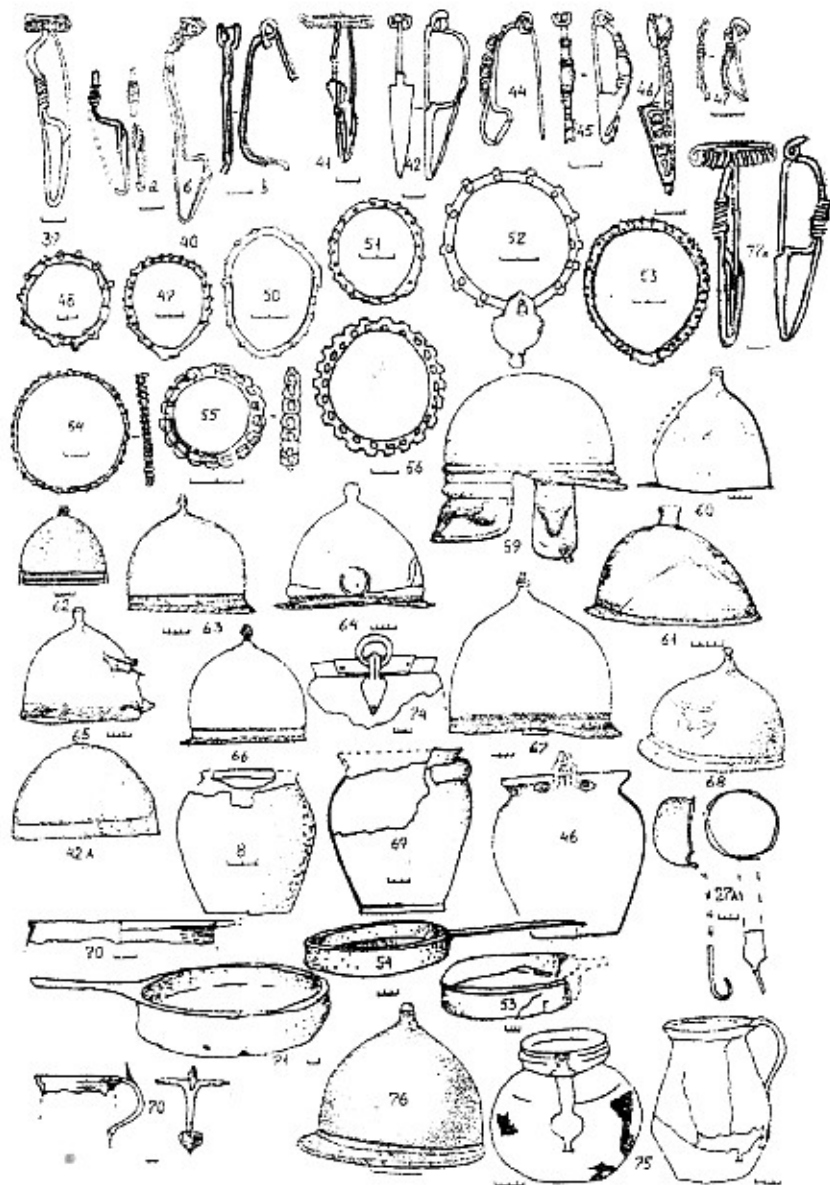

Табл. 2 к статье Берлизов Н.Е., Еременко В.Е. «ЛАТЕНСКИЕ ИМПОРТЫ В САРМАТСКИХ ПАМЯТНИКАХ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ»

ЛИТЕРАТУРА

1. Амброз А.К. Фибулы Юга Европейской части СССР // САИ. Вып. Д1-30, 1966
2. Берлизов Н.Е. Катакомбы сарматского времени на Северном Кавказе // в. до н.э. - III в. н.э. // Дипломная работа. Л.: ЛГУ, 1986
3. Берлизов Н.Е. Сарматы на Великом шелковом пути // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. II. Новочеркасск, 1993
4. Берлизов Н.Е. Хронология и хронография Азиатской Сарматии // Проблемы истории и культуры сарматов. ТДК. Волгоград, 1994
5. Вязьмитина М.И. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка // ВССА. М., 1954
6. Гросу И.И. Хронология памятником сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев, 1990
7. Дворянинов С.А., Дзизовский А.Н., Субботин А.В. Раскопки курганной группы у с. Вишневое // Новые материалы по археологии Северо-западного Причерноморья. Киев, 1985
8. Еременко В.Е. Процесс латенизации археологических общностей позднего пред-римского времени Восточной Европы и сложение зарубинецкой культуры / Дипломная работа. Л.: ЛГУ, 1986
9. Еременко В.Е., Берлизов Н.Е. Латенские импорты в сарматских памятниках: проблема интерпретации // ТД 1 КАК. Краснодар, 1989
10. Засецкая И.П., Марченко И.И. Литые стеклянные канфары из Прикубанья // Классификация и хронология // ТД 1 КАК, Краснодар, 1989
- 10а. Зубар В.М., Савеля О.Я. Новый сарматский могильник второй половины I - початку II ст. н.э. в Південно-Західному Криму // Археологія, 1989. №2
11. Игнатов В.Н. Катакомбы сарматского времени у ст. Хоперской // КСИА. 1986. Вып. 186
12. Каспарова К.В. Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи латена // АСГЭ. 1984. Вып. 25
13. Козенкова В.И. Комплексы сарматского времени из ст. Новотитаровской // Краснодарский край // Северный Кавказ в древности и в Средние века. И., 1980
14. Марченко И.И. Сираки Кубани // По материалам курганных погребений Нижней Кубани // Краснодар, 1996
15. Михлин Б.Ю. Фибулы Беляусского могильника // СА. 1980. №3
16. Раев Б.А. Бронзовая посуда эпохи позднего латена в Сарматии // Античный мир и археология. Саратов, 1993
17. Раев Б.А., Симоненко А.В., Трейстер М.Ю. Этруско-италийские и кельтские шлемы в Восточной Европе // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990
18. Сергацков И.В. Новые данные к хронологии раннесарматской культуры // СА. 1995. №1
19. Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993
20. Скрилкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990.
21. Шевченко Н.Ф. Отчет о раскопках курганов у станицы Пролетарской в 1984 г. // Архе КТИАМЗ, ф. III. №439, 439а
22. Eggers H.J. Der romische import im Freien Germanien. Hamburg, 1951.
23. Filip J. Keltové ve Střední Evropě. Praha, 1956.
24. Polenz H. Gedanken zu einer Fibel vom Mittellatenischema aus Kausarni in Anatolien // Bonner Jahrbücher. 1978. B. 178.
25. Reineke P. Zur Kenntnis der La Tène-Denkmaeler der Zone nordwärts der Alpen. Mainz,

1902.

26. Shchukin M.B. *Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe, 1st Century B.C. - 1st Century A.D.*, BAR, International Series, 542 (so), 1989.
27. Wozniak Z. *Osadnictwo celtskie w Polsce*. Wroclaw-Warsawa-Krakow, 1970.
28. Woląiewicz R. *Napływ importów rzymskich do Europy na północ od środkowego Dunaju*. Archeologia Polski, t. XV, z. 1, Wroclaw-Warsawa-Krakow, 1970.
29. Zirra V. *Beiträge zur Kenntnis des keltischen Latene in Rumänien. Dacia*, XV, 1971.

СПИСОК ПОДПИСЕЙ К ТАБЛИЦАМ 1 И 2

Таблица 1.

1. Хоперская к. 11 п. 8; 2. ПКОС-79 к. 41 п. 5; 3. Раздольная к. 14 п. 1; 4. Быково-77 к. 2 п. 3; 5. II Привольное К. 1 п. 1; 6. Безены р. п.; 7. Ново-никольское к. 3 п. 7; 8. Арбузовский к. 7 п. 8; 9. III Лычково к. 1 п. 1; 10. IV Прядока к. 1 п. 3; 11. Бабино к. 4; 12. Новопаузанск к. 1 п. 1; 13. Садово к. 2 п. 1; 14. Брилевка к. 16 п. 1; 15. Каланчак к. 10; 16. Петровское; 17. Ставки; 18. II Аккермень к. 11; 19. х. Донской к. 2 п. 7; 20. Старо-Гуанинская; 21. Владимировка к. 1 п. 8; 22. Кауры к. 1 п. 23; 23. Черноморское к. 1 п. 5; 24. Громока к. 1 п. 19; 25. Попов к. 59/18 п. 11; 26. Малаи II; 27. Новый к. 9 п. 3; 27а. Новый к. 20 п. 2; 28. V Высочино к. 24 п. 5; 29. Рогожино п. м.; 30. Х Дугино, дюна; 31. Эвдык к. 4 п. 18; 32. Лебеди 1; 33. Рыбный к. 3 п. 12; 34. Ровное к. 14 п. 5; 35. Волжский к. 8 п. 6; 36. Арпачин к. 40 п. 3; 37. Холмское п. 4; 37а. Турлаки п. 9; 38. Калиновка к. 27 п. 3; 39. Валовый к. 40 п. 3; 40а-в. Танаис; 41. Раздольная к. 9 п. 9 /в 14, таб. 65 ошибочно - к. 19 п. 7/; 42. Курганинск к. 1 п. 68; 42а. Курганинск к. 1 Святителище 43. Армавир к. 4/1903; 44. Никольское; 45. Михайловская к. 9 п. 25; 46. Соколова Могила; 47. Верхнее Погромное к. 1 п. 14; 48. Динская к. 1 п. 9; 49. Брюховецкая-78 к. 1 п. 5; 50. Новотитаровская-70 к. 10 р. п.; 51. Пролетарский-82 к. 3 п. 14; 52. Китаевка к. 6 п. 2; 53. ПКОС-86 к. «Овальный» п. 15; 54. Алитуб к. 3 п. 20; 55. Вишневое к. 18 п. 3; 56. Мамай-Оба тр. IV п. 1; 57. Сасово к. 3 п. 2; 58. II Аккермень Вост. гр. к. 8; 59. Бойко-Понура к. 1 п. 3; 60. Сергеевская р. п.; 61. Мичурина к. 1 п. 4; 62. Владимировская к. 9 п. 35; 63. Сергеевская р. п.; 64. Веселый р. п.; 65. Антиповка; 66. Новочеркасский музей; 67. Новопрохоровка; 68. Мариенталь Д2; 69. Северный к. 1 п. 9; 70. х. Элитный р. п.; 71. Новождерелиевская р. п.; 72. х. Виноградный р. п.; 73. Зубовский к. 1; 74. Кляковка к. 1 п. 4; 75. Калиновка к. 55 п. 8; 76. Мелитополь; 77. Пролетарский-84 к. 3 п. 3; 77а. Там же к. 5 п. 5.

Таблица 2.

- 1-3, 26, 32, 41-43, 45, 48-53, 59-63, 69-71, 73, 77, 77а - Кубань /52. Ставрополье/, 4, 7, 33-35, 38, 47, 68, 74, 75 - Заповжье; 5, 21-24, 46, 55, 56, 58, - Украина; 6, 37, 37а, 44 - Молдавия; 19, 20, 25, 27-31, 36, 33, 40, 64, 64-67, 72 - Нижний Дон; 57. Верхний Дон.

Зеленский Ю. В.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛОВЕЦКИХ ДРЕВНОСТЕЙ
ПРИКУБАНЬЯ И ЗАКУБАНЬЯ

На протяжении столетий кубанские степи были местом обитания многих кочевых племен и народов. Среди них был народ, который русские летописцы, а затем и историки стали называть половцами. Византийцы и вслед за ними европейцы именовали их куманами. Восточные орды этого этноса, кочевавшие